

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ XVIII–XIX ВВ.: ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ СЛУХОВ*

Слухи являются неотъемлемым элементом в структуре неформальной коммуникации любого общества, дополняя формальные (официальные) коммуникации неформальной сетью "доверительных сообщений". Существенно важная характеристика слухов – неофициальный источник их распространения (слухи – информация, еще не подтвержденная официальным источником либо уже опровергнутая им). По мнению известного американского социального психолога Т.Шибутани, в основе слухов лежит событие, характеризующееся важностью и неопределенностью (слух = важность $\times$ неопределенность). Согласно так называемому закону Олпорта, который является по существу модификацией приведенной выше формулы, слух есть функция важности события, умноженной на его двусмысленность (слух = функция / важность $\times$ двусмысленность/). Слухи выполняют функции адаптации, осмысления обществом инноваций; установления контроля над угрожающими изменениями реальности; ориентации и стандартизации коллективного поведения. В какой-то степени указанные свойства слухов обобщены в определении А.С.Ахиезера: "Слухи – постоянно действующая система интерпретации событий массовым сознанием в соответствии с исторически сложившимся менталитетом. Слухи – неофициальная форма связи в большом обществе, постоянный процесс освоения событий в дуальной оппозиции: комфортное-дискомфортное состояние, тайный шепот широких масс, формирующий общую духовную атмосферу в обществе, против которой бессильны как система массовой информации, так и самые крайние методы массового террора. Слухи, достигая определенной степени интенсивности, порождают страх, фобии, дискомфортное состояние, могут превратиться в массовые действия, в неповиновение власти, в погромы и т.д., массовые движения, например, бегство в "обетованные земли", паническая скупка товаров и т.д."¹.

Слухи уже давно стали объектом изучения американской и западноевропейской социологии, социальной психологии². Отечественная социология, политология, социальная психология, пожалуй, лишь начинает осмысление данного интереснейшего феномена³. Несколько больше повезло слухам как объектам исследования в отечественной историографии и фольклористике. Еще в 1925 г. известный советский историк С.Н.Чернов поставил вопрос о важности слухов как источника для изучения народной публицистики декабристской эпохи: "Изучение слуха как исторического источника, можно сказать, едва только ставится. Меж тем для историка-исследователя он представляет огромный интерес ... Дело в том, что при достаточно умелой постановке исследования и уточнения методов подхода и изучения, слух может быть использован для труднейшей и ответственной области научного восстановления отдельных отрезков социально-политической борьбы: здесь слухи дают материал не только для изучения настроений и

* Статья выполнена при финансовой поддержке Международного научного фонда (№ Z16000/564).

взглядов сложивших и передавших их лиц и кругов, но и для выяснения их конкретных планов, тактики и социально-политических программ"⁴. В дальнейшем слухи исследовались преимущественно в связи с крестьянским движением, как форма выражения народных общественных представлений, социально-утопических легенд⁵.

Огромная значимость слухов в условиях традиционного общества, когда они являлись едва ли не ведущим видом коммуникации, делает актуальным изучение их содержания, функций, механизмов генезиса и трансляции в исторической ретроспективе. Необходимым аналитическим инструментом при этом выступает классификация, которая может проводится по различным основаниям: по содержанию (слухи политические, экономические, экологические, о событиях в мире искусства, неразгаданных и таинственных явлениях, о событиях местного масштаба); по типу происхождения (спонтанные, сознательно индуцированные); по временной направленности (обращенные в прошлое, предказательные); по отношению к реальности (рациональные, фантастические); по эмоциональной тональности, в зависимости от того, каким человеческим потребностям слухи удовлетворяют (слух-мечта, слух-пугало, слух-разделитель) и т.д. В данной статье, не претендующей на всеобъемлющую классификацию, делается попытка определения лишь некоторых типологических групп слухов, характерных для уральской деревни XVIII–XIX вв.

Оптимистические слухи. В XVIII–XIX вв. были широко распространены слухи, несшие благоприятную (оптимистическую) информацию для социальных низов. Большой социальный резонанс вызывали слухи о "милостивых" царских указах, "благой вести", ликвидировавшей нежелательные социальные препоны, предлагавшей оптимальный вариант социального устройства, повышение сословного статуса и т.п.

Подобные слухи (об уменьшении или вообще о ликвидации заводской повинности) активно циркулировали среди приписных крестьян Урала в середине XVIII в. Так, крестьяне Масленского острога и Барневской слободы, приписанные к демидовским заводам, начали в 1760 г. утверждать, что они были "приписаны к заводам только на три года, и те урочные годы уже вышли"⁶. Летом 1762 г. дьячок А.Ключарев распространял среди крестьян Кушвинского завода слухи, "якобы есть указ, что казенные заводы будут постановлены на пять лет, а на партикулярных заводах крестьяном работать не велено, а канпанейщикам на заводах работ производит велено волными людьми". Кушвинская заводская контора сообщала в канцелярию Главного заводов правления о последствиях данного разглашения – "и услыша крестьяне такое разглашение, из работ разбежались"⁷. Крестьяне Невьянской слободы, отказываясь выполнять заводские отработки, заявляли: "А есть де у нас указ свой, присланной из земской конторы, которым де повелено им только подушные денги платить, а не работою работать, по одному рублю по две копейки"⁸. Основой для формирования слуха послужила копия с указа из Екатеринбургской конторы судных и земских дел о сборе на прибавочные к подушному окладу 60 коп. накладных по две копейки с рубля.

Крестьяне Ачитской крепости, приписанные к Уткинскому заводу, были уверены в существовании указов, согласно которым "нам на заводе работать не велено, токмо де того указу не объявляют"⁹. Среди крестьян Пышминской и Тамакульской слобод, приписанных к Верх-Исетскому заводу, циркулировали слухи о ликвидации заводских отработок вследствие сенатского указа 12 октября 1760 г. – "а мы де имеем указ, состоявшейся в 1760-м году, по которому велено забирать подушных денег во всем государстве только по одному рублю и сверх того никаких накладок не накладывать"¹⁰. В действительности данный указ не отменял приписки; напротив, он увеличивал объем заводских повинностей. Кроме того, приписанные к Верх-Исетскому заводу крестьяне Белоярской, Калиновской, Пышминской, Тамакульской слобод говорили, "будто подлинно состоялся указ, и в

народ публикован, о всех приписных к казенным и партикулярным заводам крестьян, чтоб им всем за подушной оклад не работать, а исправлять те работы с воли и непринуждено, а за ожиданием того указа никуда в работы они не пойдут"¹¹. Крестьяне с. Кубас Казанского уезда, приписанные к Вознесенскому заводу графа К.Е.Сиверса, утверждали, "якобы об отрешении всех таковых, яко и они приписных к заводам крестьян, воспоследовал Его императорского величества указ"¹².

Среди приписных крестьян Авзяно-Петровских заводов в середине 1760-х гг. циркулировали слухи, что в силу учреждения генерал-квартирмейстера князя А.А.Вяземского "положено для зарабатывания при тех заводах подушных денег быть по тритцети по шести дней", хотя ничего подобного в действительности указанное учреждение не предусматривало¹³.

Слухи о "милостивых" указах распространялись в середине XVIII в. и среди крестьян духовных вотчин. При этом порой, как и в приписной деревне, поводом к их возникновению служил указ 12 октября 1760 г., истолкованный крестьянами в духе ликвидации зависимости от монастырей или тобольского архиерейского дома. Так, 10 февраля 1762 г. в слободе Воскресенской (вотчине сибирского митрополита — И.П.) был устроен крестьянский сход; в течение четырех дней крестьяне — "от 50-ти до ста человек и более" — "продолжали в том зборище шумство", "крычали и проговаривали" об утаенном от них, крестьян, архиерейскими властями указе, "чтоб за архиереями и монастырями крестьяном не быть, а велено де положить на всех крестьян прибавочные подушные деньги, а сверх де того никаких платежей денежных и хлебных не давать и работ без платежа плакатных денег не работать". При этом архиерейские крестьяне ссылались на копию сенатского указа об увеличении подушного оклада на 60 коп.¹⁴. В начале декабря 1762 г. крестьяне Воскресенской слободы толковали именной указ 8 октября того же 1762 г. о послушании помещикам и властям в том смысле, "якобы в монастырях и архиерейских вотчинах как отставным архиереям, так и духовным властям быть не велено"¹⁵. В ноябре 1763 — апреле 1764 гг. крестьян Далматовского Успенского монастыря укрепляли в их нежелании повиноваться духовным властям слухи о существовании указа "о бытии крестьяном и вотчинам во отрешении от монастыря", а также о том, что "есть де уже в Оренбурхе член, которой якобы и отправлен сюда в Далматов монастырь членом" (т.е. представитель гражданской власти, направленный для осуществления секуляризации духовной вотчины — И.П.)¹⁶.

В 1782 г. в Малмыжском уезде среди крестьян распространился слух о милостивом указе об "облегчении народа". Данный указ якобы повелевал собирать "с поселян в подать государственную с каждой души по рублю пятидесяти только в год, да 15 лет рекрутских наборов не будет"¹⁷.

Широкое распространение оптимистические слухи имели и в XIX в. В 1812 г., торопя переход от ненавистой крестьянам приписной системы к использованию труда непременных работников, взбунтовались крестьяне Камышловского, Екатеринбургского, Шадринского, Ирбитского уездов, приписанные к Верх-Исетскому заводу Яковлева, Нижне-Тагильскому заводу Демидова и Гороблагодатским казенным заводам. Серьезным фактором в данном социальном конфликте выступали слухи о "милостивом" указе, избавлявшем якобы крестьян от заводской повинности. Говорили, что "прислан в Шадринске высочайший указ с золотою строкой, которым все приписные крестьяне от заводских работ освобождены, а если кто из них будет работать, те вечно останутся при заводах". Крестьяне Тамакульской волости заявляли, "что никогда вечно компанейщику работать не будут, да и они о сем имеют якоб именное повеление и указ, что работать более в Верх-Исетском заводе не следует, и горное правление принуждает к работе несправедливо"; что якобы заседатель "с судом компанейщиком куплен, и все дела куплены". Те же самые крестьяне требовали, чтобы заседатель Иконников

выехал из их селений, "пока жив, укоряя его, будто б взял с управляющего 2000 руб., то-есть с Верх-Исетского, и земский суд обще горного правления с первым департаментом куплены, и они никогда сии места слушать не будут до тех пор, чтоб им привести указ за подписом его императорского величества, а то живые в руки никому не дадутся"¹⁸. Слухи о "милостивом" указе, имевшие хождение среди крестьян Тамакульской и Новодеревенской волостей Камышловского уезда, проникли в Покровскую волость Ирбитского уезда. Крестьяне последней, ссылаясь на соседей, утверждали, "что де будто бы все они от заводских работ с начала нынешнего 1812 года избавлены, а вместо того прибавка положена на них государственных податей, и что в обществе их есть о том списанные копии с указанных предписаний"¹⁹.

В качестве официальных прототипов крестьянских милостивых указов выступали высочайше подтвержденные доклады министров финансов и внутренних дел 23 июня 1803 г. и 15 марта 1807 г., а также указ Пермского горного правления заводскому исправнику Дрееру от 25 января 1811 г. о нехватке до полного комплекта на Верх-Исетском заводе 160 непреманных работников. Если официальными документами предусматривалась замена приписных крестьян непреманными работниками с 1 мая 1813 г. — на всех частных заводах, а с 1 мая 1814 г. — на всех казенных заводах, то крестьяне спешили ускорить этот процесс, завершить его уже в 1812 г.

В 1820 – 1830-е годы брожение среди крепостных Южного Урала вызывали слухи об их освобождении. В 1822–1825 гг. волновались крестьяне помещика Кроткого в дер. Никольской Бугурусланского уезда Оренбургской губернии в связи с распространением в их среде слухов о "вольности"²⁰. В 1830 г. в Оренбургской губернии распускались слухи о том, что при проведении очередной, 8-й ревизии все родившиеся в помещичьих имениях после предшествовавшей ревизии будут отчислены в казну²¹. В 1836 г. торгующие крестьяне родные братья Степановы (крепостные госпожи Кашиной из Шуйского уезда Владимирской губернии) внушали крестьянам помещика Мордвинова, проживавшим в дер. Подколошной Бугульминского уезда, "что скоро они будут все вольные, с уверением тем, что с открытием весны для объясненного предмета начнется уже и война". Иван Степанов при этом пояснил, "что во время следования его, не сказав каким трактом, попались ему навстречу неизвестные люди на семидесяти подводах, кои на вопрос ему ответствовали, что везут на оных лыжи в Белебеевский уезд, и оне бы молились Богу, что с открытием весны начнется какая-то война, и через оную они все будут вольны, и тогда он не станит ни за что служить своему господину; причем ругал его разною бранию". На счастье братьев Степановых толки, ими произведенные, не имели серьезных последствий. Оренбургская палата уголовного суда объяснила "нелепые" разглашения братьев одной "невежественной необдуманностью, нежели намерением к нарушению общей тишины и порядка" и приговорила одного из Степановых, Ивана, лишь к наказанию 25 ударами розги²².

В 1831 г. в удельной деревне Вятской губернии циркулировали оптимистические слухи о переводе крестьян в разряд государственных. Основанием для их распространения послужил специфически интерпретированный крестьянами указ 16 января 1830 г. (указ предполагал сосредоточить удельные имения в 11 губерниях вместо 36 путем обмена удельных селений на казенные). Крестьяне были уверены, что уделы уничтожаются, а власти уже два года скрывают от них высочайший указ о передаче их в казенное ведомство. Во время диалога чиновника департамента уделов А.П.Найденова с крестьянами Нечкинского общества со стороны последних раздавались требования: "покажи нам руку государя; все идем за него головами, выпиши нас в государственные", "в ясашные"; "быть по-старому, не хотим участков, тягол, барщины, ничему не верим, никого не слушаем"²³.

Серьезные волнения произошли в 1841 г. на Ревдинском заводе. Заводская администрация получила указ Уральского горного правления о введении на всех частных заводах единой меры угольного короба, но не торопилась вводить этот норматив на своем заводе. Между тем заводское население узнало о существовании какого-то указа, скрываемого администрацией. Среди углежогов распространились слухи о сокрытии исправником и заводской конторой нового "штата", подобного штатам на казенных заводах. В последовавших острых событиях требование углежогов выдать им новый "штат" было главным²⁴. В 1849 г. на Верхне-Авзяно-Петровском заводе циркулировали слухи, что "все частные заводы отойдут в казенное ведомство", не имевшие, правда, большого социального резонанса²⁵.

В 1855 г., во время Крымской войны, воззвание синода по случаю образования государственного ополчения, содержащее призыв ко всему населению России подняться против "нечестивых полчищ ... за землю Русскую", послужило поводом для формирования слухов о том, что крепостные могут поступать на военную службу без разрешения помещиков, а также о том, что по окончании военной службы крепостные со своими семьями получают "вольность". Слухи вызвали крестьянские волнения в Воронежской, Саратовской, Самарской, Казанской, Симбирской, Рязанской, Черниговской губерниях, проявились они и в Пермской губернии. В селении Куяш Екатеринбургского уезда крепостные помещика Зубова, выслушав в церкви синодальное воззвание, разгласили, что "по этому указу крепостные крестьяне могут поступить в военную службу без воли помещика". Следствием подобного разглашения явилось бегство крестьян с целью вступления в ополчение²⁶.

В конце 50-х — начале 60-х годов слухи о скором освобождении крестьян, о справедливом освобождении получили широкое распространение по всей России. Данная тенденция имела место и на Урале. В 1857 г. произошли волнения крестьян помещиков Голубцовых в Красноуфимском уезде Пермской губернии по поводу распространения среди них бессрочноотпускным унтер-офицером слухов о существовании высочайшего указа об увольнении всех крестьян в свободное состояние²⁷. В 1859 г. крестьянин Преображенского завода генерал-майора Пашкова в Оренбургском заводе Д.Филатов оказал сопротивление заводской администрации, заперся в своем доме, отстреливался от вооруженных стражников, убил заводского служителя. Схваченный, он объяснил свои действия притеснениями заводской конторы, а также распространившимся среди крестьян слухом, "что скоро все будут свободными, и что упорство его будет прощено по манифесту"²⁸.

В 1858 г. слухи о свободе или о передаче помещичьих крестьян в казенное ведомство вызвали волнения в Оренбургской (крестьяне помещиков Шкапского, Дурасова, Анненкова в Белебеевском, Стерлитамакском, Бирском уездах; крепостные в имении Топорнина в Бирском уезде; крестьяне помещицы Кочергиной в сельце Андреевке Уфимского уезда; крестьяне помещицы Песляк в сельце Алексеевке Бирского уезда; крепостные И.Г.Шестакова в Мензелинском уезде; крестьяне Шамонова в сельце Холмском Уфимского уезда; крестьяне помещика Пальчикова в Мензелинском уезде; крепостные в имении Стрелковых в Стерлитамакском уезде), Вятской (крепостные помещика Имшенецкого в сельце Тимеевке Сарапульского уезда), Пермской (крестьяне помещиков Всеволожских в селах Усть-Бубинском и Кызвенском Оханского уезда; крестьяне помещиков Голицыных в Пермском и Оханском уездах, Строгановых в Соликамском и Кунгурском уездах) губерниях. Государственные крестьяне Соковинского сельского общества Слободского уезда Вятской губернии потребовали вернуть уже внесенные ими подати за 1856 и половину податей за 1857 г. в связи со слухами о манифесте, освобождавшем якобы крестьян от казенных повинностей на полтора года, начиная с 1856²⁹.

Находившийся на Урале штаб-офицер корпуса жандармов фон-Вендрих доносил в мае 1859 г., что "толки о свободе" повсеместно распространились на Урале, и крепостные "с нетерпением ожидают этого ... события". Майор корпуса жандармов Комаров в сентябре 1860 г. рапортовал из Пермской губернии шефу жандармов князю Долгорукову: "В отношении низшего сословия слухи о скором освобождении из крепостного состояния весьма их занимают... . Некоторые крестьяне прямо обращались ко мне с вопросом, не знаю ли я, когда объявлена будет свобода". Тот же Комаров сообщал 28 февраля 1861 г., что слухи довольно точно определили время издания законоположения об отмене крепостного права: "В начале сего месяца повсеместно распространилась молва о предстоящем освобождении крестьян, долженствовавшем последовать в день восшествия на престол — 19 февраля. Уверенность эта возбуждала в народе радостные надежды и ожидания, а также породила множество различных толков... . Масса народа пламенно желает своего освобождения". Слухи о том, что уже получен "указ о свободе", сыграли роль стимулятора протеста в одном из наиболее крупных волнений на горнозаводском Урале в предреформенные годы — в имении Бутеро-Родали³⁰.

Как известно, условия освобождения от крепостничества не оправдали народных надежд. В этой атмосфере стали возникать слухи о фальсификации помещиками и местной администрацией царского манифеста и о существовании подлинного законоположения. Весной 1861 г. вспыхнули волнения в имении Строгановой — в с. Егве. Крестьяне отказались платить владельческие повинности, требовали "быть перечисленными в ведомство государственных имуществ", не признавали Положения 19 февраля, утверждая, "что есть еще другое, которое от них скрыто начальством"³¹. Временнообязанные крестьяне в дер. Сукулак Оренбургской губернии (1862 г.) отказались принять уставную грамоту, выполнять работы и выплачивать оброк владельцам и под влиянием распространившихся среди них слухов потребовали выделить им "какой-то особенный царский надел"³². Весной 1863 г. временнообязанные крестьяне Покровской, Григорьевской, Мысовской, Ситниковской и Кулямской волостей Оханского уезда отказались платить владельческие оброки и засеивать свои поля, требовали переселить их на казенные земли под воздействием ложных слухов о том, что по прошествии двух лет после издания манифеста 19 февраля они полностью освобождены от всех обязательных отношений к помещикам. Более того, циркулировали слухи, что те, "кои будут обрабатывать данные им в надел земли, останутся по-прежнему в крепости у помещиков". Пермскому губернатору А.Г.Лашкареву, прибывшему с воинской командой для подавления протеста, крестьяне кричали: "Отбери нас от помещиков, не уйдем, пока не объявишь нас вольными, есть указ, бей нас всех ...". Позицию крестьян, по их собственным отзывам, укрепляли два обстоятельства: 1) предоставленное указом 24 января 1863 г. "О переходе крестьян, вышедших из крепостной зависимости, в общества государственных" право выдавать последним приемные приговоры временнообязанным крестьянам без предъявления увольнительных свидетельств со стороны их обществ; 2) слух, "что будто бы вышел новый указ по тайной полиции о совершенном их освобождении, но не объявляется, чтобы не все крестьяне вдруг оставили своих помещиков"³³. Подобные же слухи об окончательном освобождении крестьян в связи с наступлением 19 февраля 1863 г. имели место в имениях Чайковского и Величко в Сарапульском уезде Вятской губернии. В 1862 г. временнообязанные крестьяне Великореченской, Притыкинской, Успенской, Николаевской волостей в имении П.Д.Дурново и Сметанинской волости в имениях Свешникова и Лермонтова в Яранском уезде (Вятская губерния), а также крестьяне Спешковской, Путинской, Морозовской, Сосновской, Очерской, Вознесенской и Павловской волостей в имениях Строганова (Пермской губернии) отказались принять уставные грамоты и выплачивать владельческий оброк — основой для подобных действий также служили надежды на скорое освобождение, которые связывались с наступлением 19 февраля 1863 г.³⁴

Оптимистические слухи продолжали активно циркулировать в пореформенный период. Так, некоторое распространение они получили во время волнения бывших удельных крестьян деревень Верхнего и Нижнего Армязей и Гоголей Ершовской волости Осинского уезда в 1866 г. Крестьяне отказались вносить выкупные платежи под влиянием агитации соседей – бывших удельных крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии. Последние приезжали в Ершовскую волость и, ссылаясь на "Вятские губернские ведомости", уверяли, что выкупные платежи за землю вносить не следует³⁵. В 1880–1881 гг. бывшие государственные крестьяне Орловского уезда Вятской губернии саботировали организацию работ по отмежеванию в казну части лесной дачи, находившейся в пользовании крестьян. При этом между крестьянами распространялись слухи "о царской воле: не допускать более работ по межеванию". Отказываясь избрать уполномоченных для определения достоинства отводимых земель, составлять приговоры и подписывать протоколы, крестьяне ссылались на слух "об издании государем императором нового закона об отмене рукоприкладства"³⁶.

В 1881 г. среди крестьян Татариновского и Кичановского сельских обществ Слободского уезда Вятской губернии циркулировали слухи об отмене податей по царскому манифесту – в итоге крестьяне отказались от уплаты податей и оказали сопротивление местной администрации. "Не будем платить, все царь подати с нас простил, а прежнюю недоимку накопили наши деды и отцы, то ее и не платим", – заявляли крестьяне на сельских сходах. В деревне Татариновой крестьяне просили пристава показать "царскую грамоту", "манифест", "царскую бумагу", даровавшую всем крестьянам "величайшее избавление". Среди крестьян было распространено убеждение, что чиновники собирают подати вопреки царской воле, на собственную потребу – "Для чего вы собираете подати, в кабаки или на табак, на пуговицы и на тулупы"; "на медные пуговицы, на табак, в кабаки и медвежьи шубы". Поводом для возникновения слухов послужило действительное высочайшее повеление (лето 1881 г.) о сложении более 400 тыс. руб. недоимок по Слободскому уезду, понятое, однако, в смысле общего прощения податей и облегчения повинностей³⁷.

В 1884 г. в Вятской губернии, в Верховской, Верходворской, Пинюжанской волостях Орловского уезда, получили распространение слухи о сложении с крестьян недоимок. Крестьяне ссылались на манифест 15 мая 1883 г., приуроченный к дню коронации Александра III, которым действительно разрешалось оставить без взыскания недоимки по окладным сборам (подушные подати, выкупные платежи, оброчные подати, лесной налог), накопившиеся к 1 января 1883 г. и превышавшие годовой оклад, исчисленный за 1882 г. Таким образом, манифест освобождал крестьян от необходимости уплаты лишь части недоимок; уплата той части недоимок, которая не подлежала сложению, должна была производиться ежегодно в размере не менее 1/5 части годового оклада. Представления крестьян и местной администрации по поводу реализации царского манифеста разошлись. Крестьяне обвинили волостные правления в неправильном составлении раскладочных приговоров и отказались от уплаты податной недоимки и от погашения задолженности по продовольственному капиталу министерства государственных имуществ. Крестьяне утверждали, что начальники собирают податные деньги в свою пользу. 7 марта на сходе в Верходворском волостном правлении крестьяне обвинили старшину и волостного писаря в том, что они "не объявили им тот пункт всемилостивейшего манифеста, в котором сказано о прощении всех без исключения недоимок и долгов продовольственному капиталу, причем крестьяне высказали, что недоимки и долги взыскиваются старшиной и писарем в свою пользу и делятся с начальством". На сходе в Поломском сельском обществе раздавались заявления о том, что "долги продовольственному капиталу поступают в пользу волостных начальников, исправника, станового пристава и др." Суд присяжных, рассматривавший дело, оправдал крестьян Орловского уезда³⁸.

Законоположением 12 июня 1886 г. бывшие государственные крестьяне были переведены на выкуп путем повышения оброчной подати на 41% и преобразования ее в дальнейшем в выкупные платежи, что неизбежно привело к усилению податного гнета. Усиленный сбор недоимок вызвал волнения в Глазовском, Уржумском, Малмыжском уездах Вятской губернии. В 1887 г. слухи о незаконном сборе податей и о прощении недоимок по царскому манифесту вновь стали распространяться в Вятской губернии — в деревнях Нижняя, Средняя и Верхняя Тойма Малмыжского уезда. Крестьянин дер. Нижней Тоймы Н.А.Кузнецов разъезжал по селениям с книжкой, содержащей всемилоштивейший манифест 15 мая 1883 г., читал крестьянам текст манифеста и разъяснял, "что этим манифестом прощены все податные недоимки, которые, следовательно, взыскивать с них никто не имеет права, и платить их не следует". Кроме того, Кузнецов говорил, что "выкупные платежи взыскиваются с них в излишнем количестве на 40% против размера оброчной подати", "показанной во владенной записи". Весной 1888 г. среди крестьян Узинской волости Малмыжского уезда распространились ложные слухи о том, что в соседней Тольенской волости Глазовского уезда понижены выкупные платежи вследствие якобы личного ходатайства крестьян перед государем. Жители Узинской волости также собирались ходатайствовать перед императором о переводе их земель в низший разряд и о снижении платежей. В 1889 г. слухи о милостивом царском манифесте вновь сыграли роль стимулятора протеста в Вятской губернии. Крестьяне Кичминской, Кончанурской, Карак-Солинской, Кужнурской и Кокшинской волостей Уржумского уезда, ссылаясь на манифест 15 мая 1883 г., отказались выплачивать выкупные платежи и недоимки по государственному и земским сборам³⁹.

Специфическую тематическую группу оптимистических слухов составляли *миграционные слухи*, которые наряду с социально-утопической легендой о "далеких землях", цельными религиозно-идеологическими конструкциями⁴⁰, служили идейным оправданием побега. Ядром миграционных слухов также нередко служили известия о "милостивых" указах, разрешавших территориальные перемещения. В 1825 г. под влиянием слухов, что "желающие помещичьи крестьяне и беглецы будут поселены в Оренбургской губернии, и будто есть о сем указ государя императора", начались волнения и беги крестьян в Оренбург и Уфу. В течение июля месяца с Каргалинских рудников, принадлежавших Богдавленскому заводу действительного камергера Бекетова, бежало около 60 человек. В Уфе скопилось до 2 тыс. беглецов⁴¹.

В 1838 г. государственный крестьянин дер. Красноярки Кондызской волости Бугурусланского уезда Я.Козьмин разглашал слухи о "вольном переходе на жителство на новоотведенную за Орскою крепостью Оренбургскую линию". Козьмин уверял однодеревенцев, что, находясь на заработках в Илецкой зашите, он слышал от казаков, что "беспрепятственно дозволяется казенным крестьянам поселение на Новую Оренбургскую линию". При сборе податей Я.Козьмин заявлял, "что он уже теперь козак". Разглашение Козьмина взволновало многих крестьян — но слух не подтвердился⁴².

Примерно в это же время циркулировали слухи о переселении на Сыр-Дарью⁴³. В 1838 г. крестьянин дер. Черной Троицкого уезда И.Кочнев заявил, что недавно переселившийся в их деревню из Камышловского уезда Пермской губернии крестьянин Рыжков призывает крестьян переселиться на Новую Оренбургскую линию Верхнеуральского уезда на Лебяжье озеро. Других свидетелей разглашения обнаружить не удалось, и в 1842 г. следственное дело закрыли⁴⁴.

Летом 1853 г. крестьян Оренбургского уезда взволновали разглашения, производимые сельским писарем Ратчинской волости Николаем Гусевым при пособничестве крестьянина Антипа Кононова и писаря Оренбургского окружного управления Серова. Разгласители сообщали крестьянам, что "Великая княжна Ольга Николаевна, вступив в супружество с королем Персидским, желает учредить

в Персии 5 губерний из русских подданных и преимущественно из обывателей Оренбургской губернии, как уже привыкших к образу жизни и нравам азиатцев. Что желающие переселиться в Персию могут продать здесь свои дома и все имущество в свою пользу и на подъем получают большие деньги; что на персидской границе будут встречены самым гостеприимным образом и одарены – мужчины сапогами и шелковыми кафтанами, а женщины – кофтами и шелковыми сарафанами; по прибытии же на место нового поселения все получают готовые дома и 20-летнюю льготу от всех податей и повинностей". Кроме того, обещалась помощь от казны на время следования до Персии по 59 коп. в сутки на человека и по 69 коп. на лошадь. Старшему в семействе разгласители сулили по 70 руб. серебром, а по приходе в Персию на постройку жилища – еще по 100 руб. серебром. Разгласители подкрепляли свои рассказы демонстрацией подложных указов – якобы сенатских указов от 6 января и 17 ноября 1852 г. 2-й указ являлся фальсифицированным вариантом реального сенатского указа, и в нем – в отличие от оригинала – имелась запись следующего содержания: "относительно перечисления государственных крестьян на земли: 1) Персидской области по Восточному берегу Черного моря близ Тюб Кариганского залива", 2) в города Эйск, Новороссийск и Сухам Кале и 3) на Мангишлак (Томской губернии) с начала 1852 и 1854 год".

Разглашения Н.Гусева и его товарищей производили большое впечатление на крестьян. Гусев включил в список желавших переселиться около 800 человек. Крестьяне Белоярской и Ратчинской волостей начали продавать дома и скот, давали Гусеву деньги, называли его "садчиком" и скрывали от преследований местного начальства⁴⁵. В конце концов главный разгласитель скрылся, а крестьянские иллюзии были рассеяны администрацией.

Миграционные слухи стимулировали переселенческое движение и в пореформенный период. Так, активные переселения в Гурьевский городок Уральского казачьего войска во 2-й половине 1870-х годов во многом происходили под влиянием рассказов и слухов "о более привольной и легкой жизни в этом приморском городке, у самых ворот для входа рыбы в р. Урал". Слухи о земельных богатствах Южного Урала привлекали сюда большие массы крестьян-переселенцев во 2-й половине XIX – начале XX в.⁴⁶

Пессимистические слухи. Пессимистические слухи, выражающие распространенные в обществе страхи и тревоги, – нередкое явление как прошлого, так и современности. Такие слухи обычно возникают в периоды повышенного социального напряжения и острого конфликта. Например, во время второй мировой войны после японской бомбардировки американской военно-морской базы в Перл-Харборе распространились слухи о полной потере США Тихоокеанского флота. Слухи о полном исчезновении продуктов, о повышении цен на товары и услуги и т.д. – постоянное явление современной российской действительности, обусловленное сложностями переходного периода.

Существенную роль в формировании пессимистических слухов играет боязнь рецидива негативного прошлого. Так, во Франции XIX в. воспоминания о былом сеньориальном гнете, жестокости и тяжести его бремени долго – до конца столетия – хранились в коллективном сознании крестьянства, вырываясь порой в отчаянные взрывы гнева, бессмысленные с рационалистической точки зрения (можно вспомнить меткие высказывания французских историков: Э.Лабрусса – "общественное развитие отстает от экономического, а духовное от общественно-го"; Ф.Броделя, назвавшего психологические структуры "долгодействующими тюрьмами"). В 1868 г. волна паники и выступления захлестнули французские департаменты Шаранты, Нижней Шаранты и Дордони. Среди населения распространился слух "о восстановлении в ближайшем будущем десятины и феодальных прав". Слух был порожден инцидентом, происшедшим в м. Шевансо, где маркиз Летранж подарил церкви витраж с собственными гербами⁴⁷.

Психологическим основанием для возникновения пессимистических слухов в уральской деревне XVIII–XIX вв. обычно служили недоверие крестьянства к местной администрации и к действиям, ею предпринимаемым, двусмысленность мероприятий по изменению системы управления, налогообложения и т.д., сути которых к тому же крестьяне не понимали. Здесь уместно вновь вспомнить закон Олпорта, согласно которому слух является функцией важности события, умноженной на его двусмысленность.

В 1771–1772 гг. слухи о приписке к Гороблагодатским заводам вызвали "смещение" среди государственных крестьян Верхотурского уезда. Как выяснилось, слухи оказались необоснованными⁴⁸.

В 1830 г. правительство предприняло попытки некоторого реформирования удельной деревни. Указом 24 января 1830 г. была изменена система податного обложения удельных крестьян: вместо подушного оброка вводился поземельный сбор. Последний уменьшал участки отводимой крестьянам земли, так называемые "коренные участки", и одновременно увеличивал сумму оброка за счет отрезываемой от крестьянских наделов земли, так называемой "запасной" или "излишней", которую крестьяне затем вынуждены были брать за дополнительную плату. Основные пункты предварительных правил введения поземельного сбора были изложены в циркуляре вице-президента департамента уделов Л.А.Перовского от 12 мая 1830 г. 15 апреля 1831 г. Департаментом уделов было издано новое Наставление, в котором подробно излагался порядок исчисления поземельного сбора. Нововведения ухудшали положение удельных крестьян и вызвали острые конфликты в удельных имениях. Немалую роль при этом играли распространявшиеся среди крестьян слухи.

Так, летом 1831 г. волнения охватили удельные селения Галановского, Каракулинского, Козловского, Мостовинского и Нечкинского приказов Сарапульского уезда Вятской губернии. Чиновник Вятской удельной конторы Москвин доносил управляющему конторой, "что крестьяне по внушению злонамеренных людей, тщательно ими скрывааемых, принимают за странное одно слово тяглы, будто бы не бывшие до сего времени у них в употреблении по землепашеству и платежам податей и оброков, принимают введение поземельного сбора не за иное что, как за вид подписи их за барина". Москвин потратил немало сил, убеждая крестьян в ложности слухов, объясняя, что "слово тягло есть древнее в сельском отечественном хозяйстве, определяющее земляной участок на две души". Но крестьяне, продолжал Москвин, "не внимая его внушениям, усиливаются более и более быть по-прежнему, говоря: "Тяжело быть по тяглам". Крестьяне отказывались давать в приказах законные общественные приговоры, проявляли упорство при запашке общественных полей, постройке хлебных магазинов, платеже приказчикам, головам и прочим старшинам, не подчинялись чиновникам, сельской администрации, устраняли голов и писарей от власти, производили незаконные сборы для подачи прошений на имя царя.

Крестьяне Нечкинского приказа в ответ на увещевания управляющего Вятской удельной конторой Ф.М.Свистунова кричали, "что они не хотят мерять землю, а хотят жить по-старому и оброк платить, как было в 1825, 1826 и 1827 гг.". "Повинуемся государю, но подписки в том не дадим, нас разорили головы, писаря и контора, не надо голов и писарей, сменить", — кричали крестьяне чиновнику Департамента уделов А.П.Найденову.

Удельных крестьян Вятской губернии укрепляли в их убеждениях крестьяне смежных приказов Оренбургской и Пермской губерний. В трех приказах Оренбургской губернии поземельный сбор действительно не был введен по причине чересполосности удельных земель с владениями татар. Но крестьяне Оренбургской губернии распространяли слухи, что у них поземельный сбор вообще не вводится. В мае 1831 г. в некоторых селениях Вятского имения побывал под видом нищего удельный крестьянин Пермской губернии Устиновского приказа, кото-

рый разглашал, что "у них поземельного сбора не приняли и что общество послало государю императору людей, и от его величества дано три бумаги, одна к управляющему удельною конторою, другая в приказ, а третья осталась в обществе, и после сего отправился обратно". "Ершовские крестьяне из ведомства Пермской конторы, непрестанно приезжая в Нечкино, успели уверить крестьян, что будто они платят только по 7 руб., а отчего собирают с них больше и кому деньги сии идут, им неизвестно". Итогом подобных разглашений были заявления удельных крестьян Вятской губернии: "Не идем под барина, не хотим ничего платить, кроме 7 руб., как ясашные и ершовские крестьяне"⁴⁹.

В 1834 г. волнения вновь охватили селения удельных крестьян Вятской губернии (Нечкинский, Мостовинский, Галановский, Каракулинский, Ершовский, Козловский приказы в Сарапульском уезде). Очередная попечительская кампания администрации — засев картофелем общественных полей — явилась поводом для формирования слухов о записи крестьян "под барина". Крестьяне отказывались сеять картофель, вырывали из земли уже посаженный картофель, травили его скотом. Крестьяне заявляли чиновникам, "что на их земле, якобы неудобной, не будет родиться картофель, что посев онго для них обременителен, наконец, что должны сеять картофель только те, которые во время бывшего возмущения по введению поземельного сбора были покорны", "что если они согласятся на посев картофеля на общественной запашке, то непременно записаны будут под барина", "что будто правительство постепенно ведет их под барина: сперва обложило тяглами, потом заставляет сеять картофель и травы, там заставит сеять мак, собирать холсты, лен и пр. и, наконец, отдадут их вовсе барину". Старообрядцы дополняли, "что картофель есть отречение того заветного яблока, за которое лишился блаженства первоначальный человек, и что когда оно с проклятием было брошено на землю, то от него родилась картофель и, следовательно, семя сие есть антихристово"⁵⁰.

В 1834—1835 гг. волна разнородных слухов, спровоцированных различными поводами, вызвала серию конфликтов в русской казенной и башкирской деревне Пермской и Оренбургской губерний⁵¹. В декабре 1834 — январе 1835 гг. произошли волнения в Златоустовской волости Красноуфимского и Черноярской волости Кунгурского уезда Пермской губернии. Крестьяне отказывались выполнять новое Положение о порядке взимания с казенных крестьян денежных сборов на государственные подати, земские повинности и мирские расходы от 28 ноября 1883 г. Согласно § 6 данного Положения казенные волости должны были быть разделены на участки или сельские мирские общества, что крестьяне связывали с передачей их в удел. Крестьяне противились избирать сельских старост, что предусматривал § 9 того же Положения, собирать государственные подати и выполнять прочие повинности в соответствии с нормами Положения, выражая желание "производить сбор оных прежде установленным порядком", называли Положение "ложным и фальшивым". Крестьяне Златоустовской волости аргументировали свое скептическое отношение к тексту Положения тем, "что о том указ от министра финансов, а не от государя, и руки государевой на том указе нет, а это писарь Антон Балиевский хочет отдать их в уделы". Соседи казенных крестьян Черноярской волости — удельные крестьяне — убеждали их в справедливости опасений, поскольку и сами они "прежде в удельное ведомство зачислены под ложным вызовом на согласие разделить волость на участки". Крестьяне Златоустовской волости также вели агитационную работу в Кунгурском уезде. В итоге черноярцы пришли к твердому убеждению, что "если изъявят они согласие на разделение волости на участки и выберут старост, то будут обмануты и записаны в удел". Волнения в казенных селениях были подавлены с помощью воинских команд.

Острый конфликт имел место в Бродовской волости Кунгурского уезда в 1835 г., крестьян которой возмутил слух о том, что они поступили в удел к какому-то помещику. Поводом к распространению слуха послужило введение новых печатей в волостных правлениях "с вырезкой медведя". Крестьяне пришли к

выводу, что все подати собираются неизвестному помещику Медведеву. В то же время крестьяне не теряли надежды на благополучный исход событий. Говорили, что "если народ не будет в том упорствовать, то все они пропадут навеки", что "государь император скоро сюда будет для казни чиновников, волостных голов, писарей и тех, кои исполняют волю правительства, за то, что принудили их чрез посредство военной команды выбрать пятисотенных старост для сбора податей", что "для встречи государя императора велено народу собираться на гору за гор. Кунгуром, а если народ не встретит царя, то будет худо". Распространялись также слухи, что пермские чиновники во главе с губернатором и исправником уже отрешены от должностей, что командир пермского гарнизонного батальона казнен за подавление волнений в январе 1835 г., что для чиновников "наковано множество кандалов с наручниками и железными глухими на головы шляпами". Противостояние крестьян Бродовской волости и воинских команд дошло до вооруженных схваток, в которых крестьяне потерпели поражение⁵². В 1835 г. под влиянием распоряжений об устройстве запасных сельских магазинов вспыхнули волнения среди казенных крестьян и нерусского населения Бирского, Уфимского, Троицкого уездов Оренбургской губернии (волновались также башкиры, татары, марийцы Красноуфимского уезда Пермской губернии)⁵³. Среди участников протеста циркулировали слухи о передаче их в удельное ведомство, которые проникли в селения Оренбургской губернии из Кунгурского уезда Пермской губернии. Известно, что из Бирского уезда, в котором числилось до 5 тыс. душ, переселившихся ранее из Кунгурского уезда, некоторые крестьяне под предлогом богомолья ездили в Кунгурский уезд и по возвращении возмущали однодеревцев. В среде башкир, тентярей, мешеряков распространялись также слухи о насильственной христианизации. В 12-й башкирской команде циркулировали слухи, "будто башкирцам будет воспрещение кочевки"⁵⁴.

В 7-м башкирском кантоне неповиновение вызвало распоряжение оренбургского генерал-губернатора В.А.Петровского от 15 ноября 1834 г. о заведении заводов для выделки поташа и шадрика. Башкиры говорили по данному поводу, "что башкирский народ не будет более башкирами, а обратят скоро в удельные крестьяне, к сему первым знаком служит выдуманный военным губернатором общественной поташной завод". Зауряд-сотник Абдулвахит Арасланбеков разъезжал в январе 1835 г. по селениям и разглашал, "что завод сей будет казенный, что башкирцы будут удельными и определятся некоторые для сжигания золы, другие для возки дров, что будет на них распределено по душам"⁵⁵.

Реформа управления государственной деревни П.Д.Киселева не была понята крестьянами. Мощные волнения государственных крестьян Пермской, Вятской, Оренбургской губерний в 1841–1843 гг. также сопровождались распространением слухов о передаче их в удел, какому-то помещику⁵⁶. При этом поводы к возникновению слухов в различных селениях могли отличаться. В Камышловском уезде первые неповиновения в 1842 г. произошли в Троицкой волости: 2 апреля в Волковской расправе, 5 апреля – в Калиновской. Крестьяне самовольно собирались к своим сельским расправам, требовали "с дерзостию и буйством" общественные приговоры о составлении неприкосновенного запаса яровых семян, "ложно будто бы постановленные от лица их". Крестьяне полагали, что хлеб этот собирается "в пользу какого-то господина, коему они поступили в продажу". Сборы в Троицкой волости продолжались до 26 апреля. Крестьяне обвиняли своих волостных, сельских начальников и писарей в продаже их "в удел господину, произносили ругательство к портрету государя императора, имеющемуся в волостном правлении, считая оный за того господина, которому будто бы они проданы, решились остановить действие в управлении и уничтожить начальствующих в сельских расправах, кричали, что все это установил их господин, он издал правила о новом управлении, доставил новую печати, сделал волостным, сельским начальникам и писарям форменные кафтаны и назначил всем им жалованье собственно за то, что они продали ему народ"⁵⁷.

Как впоследствии выяснилось, поводом к возникновению слухов послужило следующее обстоятельство. Вахтер запасного хлебного магазина дер. Волковой С. Мартынов выдавал в ссуду крестьянам хлеб. Закончив отпуск хлеба из одного амбара, вахтер сгреб остатки хлеба, смешанного с пылью и грязью, и собирался также пустить его в раздачу. Крестьяне возмутились и потребовали чистого хлеба. С. Мартынов в ответ им сказал: "Ребята, берите или не берите — все равно. А на осень отдадите вместо 4 по 12 четвериков с каждой души в неприкосновенный запас. Дело сделано: голоса ваши отобраны и руки приложены". Крестьяне сделали из этого заявления вывод, что с введением нового управления, учреждением сельских расправ и т.п. они "сделались не государственными, а господскими"⁵⁸.

Слухи о продаже крестьян помещику проникли из Камышловского уезда в соседний Екатеринбургский. В Кисловском селе пронесся слух, что в Клевакинской волости Камышловского уезда получена бумага, "будто бы государственные крестьяне Камышловского уезда поступают в удел и к какому-то еще господину, и такая же бумага имеется уже и в Екатеринбургском уезде на здешних государственных крестьян". Слух этот поразил спокойствие крестьян Екатеринбургского уезда. Впрочем, последние выражали некоторое сомнение в справедливости полученной информации и подозревали, "что может это делается тайно и без воли государя". Однако у крестьян Екатеринбургского уезда также были основания для беспокойства. Они говорили земскому исправнику и окружному начальнику, что "нынешние печати и кафтаны волостных и сельских начальников и писарей: первья (печати) — без царского герба или короны, а последние (кафтаны) — на манер помещичьих крестьян, что с складками, и удельных, что с бразументами; и что все нынешнее их новое управление походит на удельное; головам, старшинам и смотрителям магазинов положено жалованье, чего прежде у них не было — и этим жалованьем возвысился с них сбор денег, что им отяготительно; и потому из среды их избранныя в общественные должности люди могут служить и без жалованья, так как было прежде"⁵⁹.

Пессимистические слухи циркулировали и в период отмены крепостного права. Так, крестьяне с Архангельского Соликамского уезда имения Строгановых отказывались одно время пойти в церковь для слушания манифеста 19 февраля 1861 г., так как полагали, что "их ведут в церковь присягать графу на два года зависимости"⁶⁰.

В 1865 г. бывшие удельные крестьяне Вятской губернии (Галановская, Мостовинская и Козловская волости) противились введению в действие уставных грамот, отводу им земельных наделов. Между крестьянами ходили слухи, что "отрезанная земля будет обращена в общественные запашки, на которых их заставят сеять табак, что на женщин будет наложен оброк в 25 аршин холста и т.д."⁶¹.

В 1873 г. при проведении межевых работ для составления владенных записей (акт на право владения землей, отведенной в надел бывшим государственным крестьянам на основании указа 24 ноября 1866 г. — И.П.) среди крестьян ряда волостей (Сажинской, Комаровской, Березовской, Покровской, Сосновской, Санинской, Рождественской, Тазовской, Азовской) Кунгурского уезда получили распространение слухи о том, что владенные записи составляются с целью "передачи крестьян вместе с владеемыми ныне ими землями в крепостное право помещикам, в числе которых прежде всего называли князя Голицына и самого главного распорядителя по производству межевых работ чиновника Равича-Щербо". Подтверждение слухам крестьяне находили в самом слове "владенная запись", а также в существовании в ряде волостей хлебозапасных магазинов, устроенных бывшей палатой государственных имуществ⁶².

Пессимистические слухи о передаче крестьян помещику вновь возникли в 1880 г. Бывшие государственные крестьяне Орловского уезда Вятской губернии отказывались принять владенные записи и противились отмежеванию лесных

наделов. Тревогу крестьян вызывало, в частности, то обстоятельство, что "в прежнее время (при генеральном межевании) на межевых столбах выжигалось клеймо в виде двуглавого орла, а ныне, при отграничении их наделов, на столбах выжигаются клейма с литерами МГИ (Министерство государственных имуществ)". Крестьяне утверждали, что "теперешние действия межевых чинов поэтому незаконны и что значит только, что их хотят подписать под министра"⁶³.

Первая Всероссийская перепись населения, которая проводилась в Пермской губернии в конце 1896 – начале 1897 гг., породила в ряде мест слухи о том, что ее результаты будут использованы для прикрепления народа к месту жительства, для увеличения налогов, для насильственного обращения мусульман в христианство⁶⁴.

Итак, в уральской деревне XVIII–XIX вв. циркулировали разнообразные слухи, нередко стимулировавшие социальные конфликты. Оптимистические слухи о "милостивых" указах, об улучшении сословного статуса, снижении налогообложения и т.д. оправдывали борьбу, которая велась за реализацию подобных социальных "подарков". Миграционные слухи поднимали крестьян на массовые, нередко нелегальные переселения. Слухи, несшие неблагоприятную информацию, стимулировали особенно яростный и отчаянный протест. Порой оптимистические и пессимистические слухи распространялись параллельно (1831, 1835, 1842–1843 гг.). При этом между слухами различной направленности возникала взаимосвязь, и они стимулировали скоординированные социальные действия. Сходные слухи могли вызываться различными обстоятельствами. И наоборот – одинаковые поводы могли порождать разнообразные типы слухов, в зависимости от сословно-этнической среды и социально-психологического контекста, в которых они распространялись.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ахизер А.С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. III. С. 339.
2. Knapp R.H. Psychology of Rumor // Public Opinion Quarterly. 1944. № 8. P. 22–37; Shibutani T. Improvised News: A Sociological Study of Rumor. Indianapolis, Ind.: Bobbs-Merrill, 1966; Allport G.W. Postmann L. An Analysis of Rumor // Public Opinion Quarterly. 1947. № 10. P. 501–517; Робер М.А., Тильман Ф. Психология индивида и группы. М., 1988. С. 173–174.
3. Андриянов В.И., Левашов В.К., Хлопьев А.Т. "Слухи" как социальный феномен // Социологические исследования. 1993. № 1; С. 82–88; Рошин С.К. Психология толпы: анализ прошлых исследований и проблемы сегодняшнего дня // Психологический журнал. 1990. № 5. С. 3–16; Дубин Б.В., Толстых А.В. Слухи как социально-психологический феномен // Вопросы психологии. 1993. № 3. С. 77–81; Дмитриев А.В. Слухи как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 5–11; Латынов В.В. Слухи: социальные функции и условия появления // Там же. С. 12–17; Дубин Б.В., Толстых А.В. Феноменальный мир слухов // Там же. С. 17–20; Хлопьев А.Т. Кривые толки России // Там же. С. 21–33.
4. Чернов С.Н. Слухи 1825–1826 гг. (Фольклор и история) // У истоков русского освободительного движения. Избранные статьи по истории декабризма. Изд-во Саратовского ун-та. 1960. С. 329.
5. Кудряшов К.В. Народная молва о декабристских событиях 1825 года // Бунт декабристов. Л., 1926; Сыроечковский Б.Е. Московские "слухи" 1825–1826 // Каторга и ссылка. М., 1934. Кн. 3 (112); Домановский Л.В. Освободительное движение первой четверти XIX века в русском народном творчестве. Автореф. ... канд. филол. наук. Л., 1954; Базанов В.Г. К вопросу о фольклоре и фольклористике в годы революционной ситуации в России (1859–1861) // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.-Л., 1962. Вып. 7. С. 200–216; Он же. Русские революционные демократы и народознание. Л., 1974. С. 142–175; Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967; Федоров В.А. Крестьянские слухи о "черном переделе" земель в 70–80-х годах XIX века // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в период феодализма и капитализма. Чебоксары, 1982. С. 82–88; Литвак Б.Г. Крестьянское движение в России в 1774–1904 гг. История и методика изучения источников. М., 1989. С. 212–244; Рахматуллин М.А. Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826–1857 гг. М., 1990. С. 122–166.

6. РГАДА. Ф. 248. Оп. 41. Д. 3558. Л. 407, 409 об.
7. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1680. Л. 66-66 об.
8. Там же. Л. 40 об., 43.
9. Там же. Л. 18 об.
10. Там же. Л. 192-192 об.
11. Там же. Л. 250 об.
12. Там же. Л. 327 об. - 328.
13. Там же. Д. 1804. Л. 107, 119 об., 218 об. - 219, 258, 386 об., 387 об.
14. ТФГАТюмО. Ф. 156. 1762 г. Д. 26. Л. 40 об.
15. Там же. Д. 139. Л. 4 об. - 5.
16. Там же. 1763 г. Д. 49. Л. 44-44 об.; Д. 165. Л. 17 об.
17. Гришкина М.В. Крестьянство Удмуртии в XVIII в. Ижевск, 1977. С. 178.
18. Горловский М.А., Пятницкий А.Н. Из истории рабочего движения на Урале. Свердловск, 1954. С. 94-102; Рабочее движение в России первой половины XIX в. М., 1955. Т. I. Ч. I. С. 317-345; ГАСО. Ф. 24. Оп. 24. Д. 8125. Л. 4 - 106 об.
19. Там же. Л. 25 об., 53 об. - 54, 56 об., 57-58, 61-61 об., 75 об.
20. Крестьянское движение в России в 1796-1825 гг. Сб. док. М., 1961. С. 896.
21. ГАОО (Госархив Оренбургской области). Ф. 6. Оп. 18. Д. 48. Л. 1-2; Д. 41. Л. 1, 3.
22. Там же. Д. 112. Л. 1-9 об.; Ф. 168. Оп. 1. Д. 14. Л. 8-8 об.
23. Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг. Сб. док. М., 1961. С. 202, 206-207, 214, 657-658.
24. Горловский М.А., Пятницкий А.Н. Из истории рабочего движения ... С. 246, 254.
25. ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 193. Л. 13 об. - 14.
26. Крестьянское движение в России в 1850-1856 гг. Сб. док. М., 1962. С. 500-501.
27. Крестьянское движение в России в 1857 - мае 1861 гг. Сб. док. М., 1963. С. 111.
28. Там же. С. 240-241.
29. Там же. С. 581, 591, 594-595, 602-606, 610.
30. Горовой Ф.С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961. С. 116, 124.
31. Крестьянское движение в России в 1857 - мае 1861 гг. ... С. 443-444.
32. Крестьянское движение в России в 1861-1869 гг. Сб. док. М., 1964. С. 204.
33. Там же. С. 309-312.
34. Там же. С. 643, 647, 717.
35. Там же. С. 440-441.
36. Крестьянское движение в России в 1870-1880 гг. Сб. док. М., 1968. С. 326.
37. Крестьянское движение в России в 1881-1889 гг. Сб. док. М., 1960. С. 53-57.
38. Там же. С. 283-289.
39. Там же. С. 533-536, 739, 764, 607-609, 682-690.
40. Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды ...; Покровский Н.Н. Крестьянский побег и традиции пустынножительства в Сибири XVIII в. // Крестьянство Сибири XVIII - начала XX в. (Классовая борьба, общественное сознание и культура). Новосибирск, 1975. С. 1949; Мамсик Т.С. Побег как социальное явление. Приписная деревня Западной Сибири в 40 - 90-е годы XVIII в. Новосибирск, 1978; Раскин Д.И. Миграции в общественном сознании русского крестьянства эпохи позднего феодализма // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI - начало XX в.): Материалы XX сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Вып. 1. Таллин, 1986. С. 75-82; Мальцев А.И. Социально-политические взгляды Евфимия по его сочинениям и позднейшим старообрядческим источникам // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 103-117; Он же. Споры в странническом согласии вокруг идейного наследия Евфимия (первая треть XIX в.) // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 37-41.
41. Рабочее движение ... С. 800-801.
42. ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11389. Л. 1 - 4 об.
43. Там же. Д. 11418. Л. 3.
44. Там же. Л. 2 - 12 об.
45. Там же. Оп. 8. Д. 51. Л. 1 - 10 об.; Рахматуллин М.А. Крестьянское движение ... С. 147.
46. Бородин Н. Уральское казачье войско. Уральск, 1891. Т. I. С. 160; Усманов Х.Ф. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Южного Урала в пореформенный период // Из истории Урала. Свердловск, 1960. С. 204; Он же. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60-90-е годы XIX в. М., 1981. С. 75.
47. Собуль А. Конец старого порядка и феодализм. Конец старого порядка - середина XIX в. // Французский ежегодник. 1968. М., 1970. С. 69.
48. РГАДА. Ф. 1398. Оп. 1. Д. 220. Л. 1 - 24 об.
49. Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг. ... С. 195-216, 656-657.
50. Там же. С. 248-254.

51. Там же. С. 260–283; История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 448–449; Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. М.: Л., 1946. Т. I. С. 224–242; Горловский М.А., Пятницкий А.Н. Из истории рабочего движения ... С. 224–232; Шукшинцев И.С. Волнения в Башкирии в 1835 г. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1903. Вып. 2; Революционная и трудовая летопись Южноуральского края. Хрестоматия архивных документов по истории Южного Урала. 1682–1918. Челябинск, 1980. С. 137–138.
52. Крестьянское движение в России в 1826–1849 г. ... С. 260–278, 664–665.
53. Там же. С. 278–283.
54. ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11102/5. Л. 1–14 об.; Д. 11102/2. Л. 1–2 об.
55. Там же. Оп. 11. Д. 444. Л. 2–24.
56. Крестьянское движение в России в 1826–1849 гг. ... С. 407–414, 431–435, 458–472, 482–508.
57. ГАСО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 34. Л. 1–6.
58. Там же. Л. 6 об. – 7 об.
59. Там же. Ф. 477. Оп. 1. Д. 2. Л. 158–159.
60. Крестьянское движение в России в 1857 – мае 1861 гг. ... С. 441.
61. Крестьянское движение в России в 1861–1869 гг. ... С. 337.
62. Крестьянское движение в России 1870–1880 гг. ... С. 160–162, 418, 433.
63. Там же. С. 327.
64. Гаврилов Д.В. Рабочее движение и первые социал-демократические организации на Урале в конце XIX века (1885–1900 гг.) (По материалам Пермской губернии) // Ученые зап. Шадрипского гос. пед. ин-та. Вып. 7. История. Филология. Курган, 1963. С. 63–64.

PUBLIC MOOD IN URALS VILLAGES OF THE 18th–19th CENTURIES: TRIAL OF RUMORS CLASSIFICATION

The article presents classification of various rumours circulated in Urals villages in the 18th–19th centuries. The author marks out optimistic rumours connected with merciful decrees, social status amelioration, reduction in taxation. Pessimistic rumours containing inauspicious information are also distinguished, such as rumours about peasants transfer to private possession, tax increase, etc. Both rumour types giving rise to hopes and despair quite often existed simultaneously, were tightly connected and stimulated social conflicts.

I.V.Poberezhnikov